

ГЛАВА 1

Летним вечером на кладбище царила тишина. Гравиевую дорожку покрывали ветки и сучья, сорванные с деревьев буйными ветрами, что бушевали над страной весь грозовой июнь 1545 года. В Лондоне мы в основном отделались легким испугом, разве что с крыш кое-где посшибало трубы, однако на севере ветер учинил настоящий разгром. Поговаривали, что градины были величиной с кулак и на них угадывались какие-то физиономии. Однако, как ведомо любому адвокату, всякая история по мере своего распространения обрастает красочными подробностями.

Все утро я провел в своих палатах в Линкольнс-Инн, трудясь над краткими изложениями нескольких дел, которые прислали из Суда палаты прошений. Заслушивать их предстояло уже осенью: из-за угрозы французского вторжения Троицкая судебная сессия по приказу короля завершилась досрочно.

В последние месяцы я обнаружил, что бумажная работа начала докучать мне. За редким исключением, из Суда палаты прошений снова и снова поступали одинаковые дела: желая получить прибыль от торговли шерстью, лендлорды всячески пытались заставить фермеров-арендаторов разводить овец или по той же самой причине стремились отобрать общинные земли, от которых зависела беднота. Ведение подобных дел сулило адвокатам стабильные доходы, но, признаться, все-таки хотелось бы какого-нибудь разнообразия. Разгребая рутину, я время от времени поглядывал на письмо, доставленное посыльным из Хэмптон-корта¹. Оно лежало на уголке моего стола — белый прямоугольник, в центре которого поблескивал красный комок

¹ *Хэмптон-корт* — загородная резиденция английских королей, расположенная на берегу Темзы в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе.

восковой печати. Письмо это порядком встревожило меня, не в последнюю очередь благодаря отсутствию на нем какой-либо надписи. Наконец, чтобы удержать мысли от беспорядочного разброда, я решил пройтись.

Оставив палаты, я увидел цветочницу — молодую женщину, каким-то образом проскользнувшую мимо привратника Линкольнс-Инн. Одета в серое платье с грязным фартуком, она стояла на углу Гейтхаус-корт и, выглядывая из глубины белого чепца, предлагала свои букетики идущим мимо барристерам¹. Поравнявшись с цветочницей, я услышал, как она назвала себя вдовой и сказала, что ее муж погиб на войне. Желтофиоль в ее корзинке напомнила мне о том, что я уже почти месяц не был на могиле моей бедной домоправительницы. Джоан любила желтофиоль. Я попросил букет и, когда цветочница протянула мне его, невольно заметил, какие у нее мозолистые и грубые руки. Я отдал ей полпенни. Изящно присев, женщина поблагодарила меня, сопроводив этот жест холодным взглядом. Пройдя Великими воротами, я направился вверх по только что замощенной Канцлер-лейн к небольшой церквушке.

По пути я ругал себя: не пристало мне, советнику при Суде палаты прошений, волноваться как мальчишке. Недаром же многие из коллег завидуют моему высокому нынешнему положению, а также тому, что я время от времени получаю весьма выгодные дела от Роберта Уорнера, адвоката самой королевы. Однако на улице мне попадалось множество задумчивых и встревоженных прохожих, что ясно свидетельствовало о том, что нынешние неспокойные времена способны вселить тревогу в сердце любого человека. Поговаривали, что французы собрали тридцать тысяч солдат в портах по ту сторону Ла-Манша и что они уже готовы вторгнуться в Англию с помощью многочисленного флота, причем некоторые корабли такие огромные, что на них имеются даже конюшни для лошадей. Никто не имел представления о том, где могут высадиться враги, и по всей стране собирали ополченцев, отправляя их оборонять побережье. Все суда королевского флота приготовили к выходу в море, большие торговые корабли

¹ *Барристеры* — в Великобритании одна из двух категорий адвокатов, которые ведут дела; являются адвокатами более высокого ранга, чем солиситоры.

отбирали в казну и готовили к войне. Король ввел беспрецедентные налоги, чтобы хоть как-то пополнить казну после своего прошлогоднего вторжения во Францию. Тот поход закончился полной неудачей, и с минувшей зимы английская армия была осаждена в Булони, ну а теперь война могла прийти и к нам самим.

Я вошел на кладбище. Благочестив ты или нет, но атмосфера на церковном дворе неизменно располагает к умиротворенной задумчивости. Преклонив колени, я возложил цветы на могилу Джоан. Эта женщина вела мое скромное хозяйство почти двадцать лет. Когда мы познакомились, она была вдовой сорока лет от роду, а я — желторотым юнцом, только что вылупившимся из яйца барристером. Эта тихая одинокая дама, не имевшая собственных родственников, посвятила свою жизнь заботам о моих нуждах. А этой весной она подхватила инфлюэнцу, которая за какую-то неделю свела бедняжку в могилу. Я тосковал по Джоан, поскольку за последние двадцать лет деловитая и любезная домоправительница, искренне беспокоившаяся обо мне, стала неотъемлемой частью моей жизни. И горько было сознавать, что человек, который служил мне теперь, даже в подметки ей не годился.

Я поднялся, хрустнув коленями. Посещение могилы успокоило меня, пробудив тем не менее меланхолические гуморы¹, воздействию которых я всегда был подвержен. Я продолжил свой путь среди могильных камней, потому что на этом кладбище покоились также и другие мои знакомые, и остановился возле превосходной мраморной плиты, на которой значилось:

РОДЖЕРУ ЭЛЛИАРДУ,
БАРРИСТЕРУ ИЗ ЛИНКОЛЬНС-ИНН,
ВОЗЛЮБЛЕННОМУ МУЖУ И ОТЦУ
(1502–1543)

Вспомнив свой разговор с Роджером, случившийся два года назад, незадолго до его смерти, я печально улыбнулся. Тогда мы с ним беседовали о том, что король бездумно проматывает отобранные у монастырей богатства, расходуя их на свои прихоти,

¹ *Гуморы* — согласно античным и средневековым представлениям, некие элементарные жидкости, влияющие на психическое и физическое функционирование организма.

ничем не заменив ту посильную помощь, которую монахи всегда оказывали беднякам. И теперь, положив руку на могильную плиту, я негромко произнес:

— Ах, Роджер, видел бы ты, во что он втравил нас теперь!..

Старуха, возившаяся с цветами на соседней могиле, обернулась и тревожно посмотрела на меня: ее морщинистое лицо исказилось при виде горбатого адвоката, разговаривающего с покойником. Я направился прочь.

Невдалеке находился другой надгробный камень, который ставил я сам, как и на могиле Джоан. Надпись на нем была краткой:

ДЖАЙЛС РЕНН,
БАРРИСТЕР ИЗ ЙОРКА
(1467–1541)

До этого камня я дотрагиваться не стал, равно как и обращаться к лежавшему под ним старику. Лишь вспомнил о том, как именно умер Джайлс, что, вполне ожидаемо, привело меня в мрачное настроение.

Голос труб, внезапно раздавшийся в этот самый момент, испугал меня едва ли не до беспамятства. Старуха распрямилась и принялась осматриваться по сторонам круглыми, полными страха глазами. Догадавшись, в чем дело, я отправился к стене, отделявшей кладбище от Линкольнс-Инн-филдс, открыл деревянную калитку и, шагнув наружу, стал рассматривать то, что происходило снаружи.

Поля Линкольнс-Инн являли собой открытую и незаселенную пустошь, где студенты-законники ловили кроликов на заросшем травой холме Кони-Гарт. В обычный день после полудня тут можно было увидеть лишь нескольких направлявшихся в разные стороны прохожих. Сегодня же здесь собралась целая толпа. Люди пришли поглазеть на пять десятков молодых людей, облаченных в рубашки и камзолы либо в синие балахоны подмастерьев. Новобранцы выстроились в пять неровных шеренг. У одних вид при этом был угрюмый, у других — задумчивый, третьи бодрились. Большинство рекрутов держали боевые луки, которыми, согласно закону, все достигшие воинского возраста мужчины должны были вооружаться ради упражнения

в стрелковом деле. Правда, многие нарушали этот закон, предпочитая гонять шары по лужайкам, а также играть в кости и карты, теперь запрещенные для простых людей, не имеющих статуса джентльмена. Длина боевых луков достигала двух ярдов, тем самым обычно превышая рост их владельцев. У некоторых, впрочем, в руках были луки поменьше, среди которых усматривались также и более слабые, сделанные из вяза, а не из тиса, как полагалось. Почти у всех молодых людей были кожаные нарукавники на одной руке и наперстки на другой. Тетивы натянуты, люди напряжены...

Строил их в ряды по десять человек средних лет вояка, на квадратном, обрамленном короткой черной бородкой лице которого застыло суровое и неодобрительное выражение. Он блистал великолепием мундира лондонской городской милиции¹: белым дублетом с рукавами, в прорезях которых алела подкладка, и круглым полированным шлемом.

Ярдах в двухстах от них располагались мишени — покрытые дерном насыпные холмики шести футов высотой. Здесь подлежащие призыву ратники должны были практиковаться каждое воскресенье. Прищурившись, я разглядел соломенное пугало, облаченное в лохмотья, в помятом шлеме и с намалеванной на животе французской лилией. Итак, здесь происходил очередной смотр, новая группа горожан проверялась на стрелковое мастерство, чтобы отобрать тех, кого можно послать в собиравшиеся на побережье войска или на королевский флот. Приятно было сознавать, что я, будучи горбуном сорока с лишним лет от роду, не подлежал призыву!

За неторопливыми действиями лучников наблюдал, сидя верхом на превосходной серой кобыле, какой-то полный мужчина. Голову его лошади, покрытой попоной лондонского Сити, венчал металлический налобник с отверстиями для глаз, превращавший ее в некое подобие черепа. Туловище всадника обхватывал полудоспех, защищавший его тело и руки полированной сталью, а ветерок теребил павлинье перо на широком черном берете. Я узнал Эдмунда Карвера, одного из старших го-

¹ *Милиция* — территориальные войска в британской армии. Милиция не выводилась из пределов Великобритании, созывалась лишь на время войны в прибрежных графствах для обороны страны от вторжения неприятеля; в Средние века сыграла важную роль в обороне городов.

родских олдерменов: два года назад мне случилось выиграть в суде его дело. В панцире Карвер выглядел неуклюжим и время от времени неловко менял позу. Это был вполне приличный купец, торговавший шелком и бархатом, большой любитель вкусной еды. Возле него находились еще двое солдат в мундирах городской милиции. Один из них держал в руках длинную медную трубу, а второй — алебарду. Рядом застыл писец в черном дублете: на шее его висел переносной попитр со стопкой бумаг.

Внезапно солдат с алебардой положил свое оружие и подобрал с земли полдюжины кожаных колчанов. Пробежав перед первой шеренгой рекрутов, он рядком сыпанул на землю горсть стрел. Командовавший смотром все еще мерил стоявших перед ним людей острым оценивающим взглядом. Нетрудно было понять, что передо мной профессиональный офицер, из тех, кого я видел четыре года назад в Йорке. Должно быть, этот человек работал теперь с городской милицией — корпусом добровольцев, учрежденным в Лондоне несколько лет назад, и учил их солдатскому ремеслу.

Наконец он обратился к своим людям громким и звучным голосом:

— Англии нужны бойцы, способные послужить ей в час величайшей опасности! Французы готовы вторгнуться на нашу землю, готовы обрушить огонь и смерть на наших женщин и детей. Но мы не забыли Азенкур!¹

Он сделал драматическую паузу, и под одобрительный ропот рекрутов Карвер воскликнул:

— Так точно!

Офицер продолжил:

— После Азенкура мы знаем, что один англичанин стоит трех французов, а потому вышлем неприятелю навстречу наших легендарных стрелков! Те, кого изберут сегодня, получают мундир и жалованье три пенса в день! — Голос его сделался более жестким. — А теперь мы посмотрим, кто из вас, ребята, учился стрельбе каждую неделю, как того требует закон. Те же, кто пренебрег тренировками, — он сделал многозначительную

¹ Имеется в виду сражение, состоявшееся 25 октября 1415 г. между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур на севере Франции; одна из самых знаменитых побед Англии во время Столетней войны.

паузу, — могут оказаться в копейщиках, чтобы встретиться с французами лицом к лицу! Так что не надейтесь, что плохая подготовка избавит вас от выполнения своего долга.

Вояка вновь оглядел строй неловко переминавшихся с ноги на ногу и явно взволнованных рекрутов. Его окаймленное темной бородой лицо ясно выразило гнев.

— А сейчас, — снова заговорил он, — по сигналу трубы каждый из вас по очереди, начиная с того, кто стоит слева в первом ряду, со всей возможной быстротой выпустит полдюжины стрел. Специально для вас мы приготовили чучело, так что можете представлять себе, будто видите перед собой французишку, явившегося, чтобы изнасиловать ваших мамаш, у кого они есть!

Я окинул взглядом собравшуюся толпу. Среди зрителей преобладали взволнованные мальчишки и люди постарше и победнее, однако было здесь и несколько встревоженных женщин, должно быть жен или возлюбленных кого-то из рекрутов.

Солдат поднес трубу к губам и протрубил. Первый из стрелков, крепкий и симпатичный молодой парень в кожаной куртке, уверенно шагнул вперед со своим боевым луком. Подняв стрелу, он наложил ее на тетиву. А затем быстрым и плавным движением откинулся назад, распрямился и по высокой дуге послал стрелу через отделявшее его от мишени пространство. Она вонзилась в лилию на животе пугала с такой силой, что соломенный манекен дернулся, словно живой человек. Не более чем за минуту рекрут выпустил еще пять стрел, и все они попали в цель. Мальчишки отозвались неровным ободрительным ропотом. Улыбнувшись, парень повел широкими плечами.

— Неплохо! — скупой похвалил его офицер. — Ступай, пусть твое имя запишут!

Новобранец подошел к писцу, приветственно помахав луком толпе.

Следующим был долговязый молодец в белой рубаше, вряд ли достигший двадцати лет. Лук у него был сделан из вяза, и во взгляде юноши ясно читалась тревога. Я не заметил у него ни нарукавника, ни наперстка. Офицер мрачным взором проводил движение его руки, откинувшей с глаз копну нечесаных светлых волос. Парень пригнулся, поднял стрелу, приложил ее к тетиве, а затем с явным усилием напряг лук и выстрелил. Стрела вонзилась в землю едва ли не на полпути к цели. Движение лишило

беднягу равновесия, и он едва не упал, подпрыгнув в последний момент на одной ноге, чем очень развеселил зрителей.

Вторая стрела ушла в сторону, вонзившись в вал, а юноша вскрикнул от боли и схватился за руку. Между пальцами потекла кровь. Офицер бросил на него суровый взгляд:

— Значит, не практиковался, да? Даже стрелу пустить толком не можешь. Стало быть, пойдешь в копейщики, вот как! Высокому парню вроде тебя самое место в рукопашной.

На лице молодого человека появилось испуганное выражение.

— Давай дальше! — рявкнул офицер. — У тебя есть еще в запасе четыре стрелы. И оставь в покое свою руку. Вон народ собрался, надо же его повеселить!

Я отвернулся. Некогда и мне пришлось претерпеть унижение перед лицом толпы, и с тех пор подобные зрелища не доставляли мне удовольствия.

Когда я вернулся в Гейтхаус-корт, цветочницы уже не было. Я отправился к себе. Скелли, мой младший клерк, переписывал в приемной какие-то распоряжения. Он низко пригнулся к столу, внимательно рассматривая документ сквозь очки.

— На полях Линкольнс-Инн сегодня смотр стрелков, — заметил я.

Он посмотрел на меня и невозмутимым тоном ответил:

— Я слышал, что городскому ополчению приказано выставить тысячу человек на южное побережье. Вы и вправду считаете, сэр, что французы могут начать вторжение?

— Не знаю, Скелли, — ответил я с успокаивающей улыбкой. — Но полагаю, что тебе беспокоиться не о чем. Ты женат, и у тебя трое детей, а кроме того, без очков ты ничего не видишь. Так что тебя точно не призовут.

— Всей душой уповаю на это, сэр.

— Все будет хорошо, нисколько в этом не сомневаюсь, — заверил я его. Впрочем, в чем можно быть уверенным в наши дни? — А что, Барак еще не вернулся из Вестминстера? — смеялся я тему, глянув на пустой стол помощника, которого послал в Суд палаты прошений, чтобы передать некоторые показания.

— Нет, сэр.

Я нахмурился:

— Надеюсь, что с Тамазин ничего не случилось.

Скелли улыбнулся:

— Полагаю, сэр, все дело в том, что он не может переправиться на лодке через реку. Вы же знаете, как трудно теперь найти перевозчика.

— Возможно. Скажи Бараку, чтобы он зашел ко мне сразу же, как только вернется. А я пока займусь бумагами.

И я отправился в свой кабинет, ничуть не сомневаясь в том, что писец считает, будто я делаю из мухи слона. Но Джек Барак и его жена Тамазин были моими близкими друзьями. Их первый ребенок, к несчастью, родился мертвым, и вот теперь Тамазин вновь была на седьмом месяце беременности. Еще бы мне за них обоих не волноваться.

Я со вздохом рухнул в кресло и взял в руки лист с претензией, которую читал прежде. Взгляд мой снова коснулся письма, оставшегося на углу стола. Я заставил себя отвернуться и сосредоточиться на прошении, однако мысли мои вскоре вернулись к смотру стрелков... Я представил себе вторжение французов и этих молодых людей — истерзанных и погибших в бою.

Выглянув из окна, я улыбнулся и покачал головой, заметив высокую и тощую фигуру своего старинного врага, Стивена Билкнэпа, ковьялявшего по залитому солнцем двору. Теперь он заметно сгорбился и в черной мантии барристера и белой шапочке казался огромной сорокой, склевывавшей червяков с мостовой.

Внезапно Билкнэп распрямился, посмотрел вперед, и я заметил шагавшего в его сторону Барака, через плечо которого была переброшена кожаная сумка. Я обратил внимание, что в последнее время мой помощник раздобыл: из-под его зеленого дублета выпирал животик. Лицо Джека также приобрело некоторую полноту, смягчавшую черты и заставлявшую его казаться моложе. Стивен повернулся и заторопился к капелле. Два года назад этот странный, невероятно скаредный человек задолжал мне небольшую сумму. И теперь Билкнэп, считавший делом чести никогда не расставаться с деньгами, нагло поворачивал в сторону сразу, как только замечал меня. В Линкольнс-Инн его поведение стало предметом многочисленных шуток. Очевидным образом он избегал также и Барака, моего помощника. Джек остановился и, широко улыбаясь, уставился в спину торопившегося

прочь должника. Я ощутил облегчение, значит с Тамазин не случилось ничего плохого.

Через несколько минут Барак оказался у меня кабинете.

— Как дела с показаниями? — спросил я.

— Все в порядке, но я задержался, поскольку трудно было найти лодку от Вестминстерского причала. На реке полным-полно коггов¹, доставляющих припасы войскам, так что лодкам приходится оставаться на берегу. Один из больших военных кораблей стоял внизу возле Тауэра. Наверное, его специально перегнали вверх по течению из Дептфорда, чтобы подданные его величества могли насладиться впечатляющей картиной. Вот только возгласов радости я почему-то не слышал.

— Люди уже привыкли к таким зрелищам. Вот когда «Мэри Роуз» и «Великий Гарри» шли в море, тогда все было совсем по-другому. Их приветствовали сотни собравшихся на берегу людей. — Я указал на табурет перед своим столом. — А теперь садись. Как там дела у Тамазин?

Мой собеседник сухо улыбнулся:

— Ворчит целыми днями: и жарко ей, и ноги опухли.

— По-прежнему считает, что родится девочка?

— Ну да. Вчера ходила в Чипсайд, якобы по делам, и заодно заглянула там к какой-то знахарке, ну а та, конечно, сказала посетительнице то, что она и хотела услышать.

— А ты все так же уверен в том, что будет мальчик?

— Нисколько не сомневаюсь. Ох, до чего же с Тамми непросто! — Джек покачал головой. — Я специально сказал ей, что люди из общества не выходят из дому за восемь недель до рождения ребенка. Думал, может, хоть это заставит мою жену призадуматься. Ага, как бы не так. Считает, что жизнь должна идти обычным чередом, и точка.

— Итак, осталось восемь недель?

— Так говорит доктор Гай. Он обещал прийти завтра и посмотреть Тамазин. А еще за ней приглядывает мамаша Маррис. Тамми обрадовалась, узнав, что я иду на работу. Она говорит, что я напрасно волнуюсь.

Я улыбнулся, радуясь тому, что Джек и Тамазин снова вместе. После смерти первенца у них наступила черная полоса, семейная жизнь разладилась и жена оставила Барака. Однако мой

¹ *Kogg* — небольшое одномачтовое парусное судно.

помощник сумел вернуть ее упорной и настойчивой любовью, на которую, как я думал раньше, он попросту не был способен. Я помог Джеку отыскать поблизости небольшой домик и по рекомендации покойной Джоан подобрал толковую служанку в лице мамыши Маррис, опытной и умелой няни.

Я кивнул в сторону окна:

— Только что видел, как Билкнэп свернул в сторону, чтобы не повстречаться с тобой.

Барак рассмеялся:

— Да уж, этот тип всякий раз поспешно спасается бегством. Боится, что я напомню ему о тех трех фунтах, которые он вам задолжал. Вот же мерзавец! — Глаза Джека ехидно блеснули. — Теперь вам следовало бы потребовать с него уже четыре фунта, учитывая, насколько обесценились деньги.

— А знаешь, по-моему, на самом деле у нашего друга Билкнэпа не все в порядке с головой. Вот уже два года он сознательно выставляет себя на посмешище, старательно избегая меня, а теперь уже и тебя, из-за какой-то ничтожной суммы.

— Ага, но при этом он становится все богаче. Говорят, что Билкнэп продал часть своего золота монетному двору для перечеканки и что теперь, после того как предоставление ссуд с процентами было объявлено законным, не брезгует ростовщицеством: раздает много денег в долг тем, кому нужны средства для уплаты налогов.

— В Линкольнс-Инн немало таких, кому срочно потребовались деньги, чтобы оплатить «добровольный» побор. Слава богу, что мне самому хватило на это золота! Тем не менее согласись: поведение Билкнэпа не свидетельствует о здравом рассудке.

Барак бросил на меня пронизательный взгляд:

— Что-то вам постоянно мерещатся повсюду безумные. Это все потому, что вы уделяете слишком много времени Эллен Феттиплейс. Вы уже ответили на ее последнее письмо?

Я нетерпеливо махнул рукой:

— Только не надо снова заводить старую песню. Да, ответил и завтра опять навещу эту несчастную, которая вынуждена жить в Бедламе.

— Пусть она и обитательница Бедлама, но вас водит, как опытный рыболов рыбу на леске. — Джек посмотрел на меня серьезными глазами. — И вы знаете почему.

Я решил сменить тему:

— Только что выходил погулять. На полях Линкольнс-Инн сегодня был военный смотр. Офицер грозился сдать в копейщичи тех, кто не упражнялся в стрельбе из лука.

Барак ответил с пренебрежением:

— Властям прекрасно известно, что постоянно стрельбой занимаются только те, кто любит это занятие, какие бы законы ни издавал король. Стрельба — тяжелый труд, и в ней следует регулярно практиковаться, чтобы достичь каких-то успехов. — Он снова серьезно посмотрел на меня. — Не следует настаивать на исполнении слишком непопулярных законов. Вот лорд Кромвель¹ понимал это и никогда не перегибал палку.

— И тем не менее власти упорно настаивают на своем. В жизни не видел ничего похожего. Буквально вчера констебли на моих глазах прочесывали улицу, отлавливая бродяг и нищих, чтобы по приказу короля отдать их в гребцы на галеасы². А слышал самую последнюю новость: французы высадились в Шотландии и шотландцы уже готовятся выступить против нас?

— Действительно, самую последнюю, — насмешливым тоном повторил Барак. — И кто, по-вашему, распространяет эти истории о грозящем нам вторжении французов и скоттов? Да, чиновники самого короля, вот кто. Должно быть, для того, чтобы народ снова не возмутился, как в тридцать шестом году³. Против налогов и порчи денег. Вот, поглядите-ка сюда. — Он запустил руку в кошелек, достал небольшую серебряную монетку и звякнул ею об стол.

Я подобрал денежку и внимательно рассмотрел ее: на меня глянуло упитанное, щекастое лицо короля.

— Один из новых шиллингов, так называемый тестун, — пояснил Барак.

— Такого я еще не видел.

¹ *Томас Кромвель* (1485–1540) — английский государственный деятель, первый советник Генриха VIII в 1532–1540 гг., главный идеолог английской Реформации, один из основателей англиканства.

² *Галеас* — большая галера, военный корабль, состоявший на вооружении многих стран Европы в XVI–XVII вв.

³ Имеется в виду так называемое «Благодатное паломничество» — происшедшее в 1536 г. крупное восстание, начавшееся в Йорке, а затем перекинувшееся на всю Северную Англию.

— Тамазин вчера ходила с мамашей Маррис за покупками в Чипсайд. Этих новых шиллингов там полным-полно. Смотрите, какой он тусклый! В серебро добавили столько меди, что теперь за такую монету дают товара только на восемь пенсов, а не на двенадцать, как раньше. Цены на хлеб и мясо взлетели выше крыши. А хлеба еще и не хватает после всех этих реквизиций в пользу армии. — Карие глаза Барака гневно блеснули. — А куда, спрашивается, ушло лишнее серебро? На оплату кредитов германских банкиров, ссудивших королю деньги.

— Ты и в самом деле считаешь, что никакого вторжения французского флота не будет?

— Будет не будет... Не знаю, — вздохнул мой собеседник, а потом, после короткой паузы, вдруг объявил: — Кажется, меня хотят забрать в армию.

— Как так?! — насторожился я.

— В прошлую пятницу констебль с каким-то военным обходили дома в нашем околотке, переписывая всех мужчин подходящего возраста. Я объяснил им, что женат и что мы ждем ребенка. Однако вояка сказал, что на вид я вполне годен для службы. Я велел ему проваливать, буквально вытолкал взашей. Беда в том, что вчера он приходил снова, и Тамазин видела его. Выглянув в окно, она не стала пускать его в дом.

Я вздохнул:

— Чрезмерная самоуверенность однажды тебя погубит.

— То же самое и Тамазин говорит. Однако сейчас ведь женатых мужчин с детьми в армию не призывают. По крайней мере, не всех.

— Дело представляется мне серьезным. Я думаю, что попытка вторжения состоится... иначе зачем набирать все эти тысячи солдат? Будь осторожен, Джек. Похоже, французы и впрямь настроены решительно.

Барак явно возмутился:

— Ничего подобного не случилось бы, если бы король в прошлом году не потащился во Францию! Сорок тысяч солдат переплыли на другой берег Ла-Манша, и что в результате? Они бежали обратно, трусливо поджав хвосты, если не считать бедолаг, застрявших в Булони. Да все считают, что нам надо сократить военные расходы, оставить Булонь и помириться с французами, однако король ни в какую не хочет. Кто угодно, только не наш Генрих!

— Абсолютно с тобой согласен.

— Помните, как прошлой осенью вернувшиеся из Англии солдаты, в лохмотьях, больные, лежали вдоль всех дорог, ведущих к городу? — Лицо Джека посуровело. — Нет уж, со мной такого не будет. Не пойду я в армию, не дождетесь.

Я посмотрел на своего помощника. Пожалуй, в былые времена Барак вполне мог воспринять войну как увлекательное приключение. Но только не сейчас.

— И как выглядел тот военный, который к вам приходил? — поинтересовался я.

— Рослый детина лет сорока, при черной бороде и в мундире лондонского городского ополчения. По виду опытный солдат.

— Похоже, именно он командовал и сегодняшним смотром. Серьезный человек. Я бы не стал с ним шутить.

— Ну, если он занят отбором новобранцев, то, скорее всего, на новый визит ко мне ему времени уже попросту не хватит.

— Надеюсь на это. Но если он вернется, тебе придется обратиться за помощью ко мне.

— Спасибо, — негромким голосом поблагодарил Барак.

Я протянул руку к письму, остававшемуся на уголке стола:

— В свой черед, мне хотелось бы узнать твое мнение об этом.

Я передал ему письмо.

— Это, часом, не очередное ли послание от Эллен? — уточнил мой собеседник.

— Посмотри-ка на печать. Тебе уже приходилось ее видеть.

Он поднял на меня глаза:

— Печать королевы. Это от мастера Уорнера? Новое дело?

— Прочти. — Я сделал паузу. — Оно тревожит меня.

Барак развернул бумагу и вслух прочитал:

— *«Я была бы очень рада в частном порядке получить от Вас совет по одному личному делу. Приглашаю Вас, Мэтью, посетить меня в Хэмптон-кортэ завтра, в три часа пополудни».* Но оно подписано...

— Вот именно. Записку прислала королева Екатерина, а вовсе не адвокат Уорнер.

Барак прочитал текст еще раз:

— Никаких подробностей, информации совсем мало. Но королева говорит о каком-то личном деле... ни малейшего намека на политические обстоятельства.

— Однако у нее, должно быть, имеется серьезная причина для беспокойства, заставляющая писать собственноручно. Не могу не вспомнить, как в прошлом году королева отправила Уорнера защищать интересы родственника ее служанки, которого обвинили в ереси.

— Но ее величество обещала, что впредь не станет вмешивать вас в подобные дела. А она из тех, кто умеет держать свое слово.

Я кивнул. Больше двух лет назад, когда королева Екатерина Парр еще была леди Латимер, я спас ей жизнь. В знак благодарности она обещала стать моей покровительницей и впредь никогда не привлекать меня к делам, имеющим политическую подоплеку.

— И давно ли вы видели ее величество в последний раз? — спросил Джек.

— Еще весной. Она удостоила меня аудиенции в Уайтхолле, дабы поблагодарить за то, что я успешно распутал то сложное дело, касающееся ее владений в Мидленде. Потом, в прошлом месяце, королева прислала мне свою книгу. Помнишь, я показывал тебе? Называется «Молитвы, или Размышления».

Мой собеседник скривился:

— Мрачная штукавина.

Я печально улыбнулся:

— Не спорю. Признаться, раньше я даже толком не понимал, насколько ею овладела меланхолия. Королева вложила в книгу записку, где выражала надежду, что она обратит мои мысли к Богу.

— Ее величество не станет подвергать вас риску. Наверняка какое-нибудь очередное разбирательство, связанное с землей, вот увидите.

Я благодарно улыбнулся. Барак с юных дней изучил изнанку политической жизни, и я ценил его утешение.

— Вам предстоит за один день навестить и королеву, и Эллен Феттиплей! — пошутил он. — Придется изрядно потрудиться, чтобы все успеть.

— Да уж. — Я взял у него письмо и, вспоминая свой последний визит в Хэмптон-корт, ощутил, как страх перед новым визитом в эту загородную резиденцию стискивает мой желудок.

ГЛАВА 2

Закончив чтение последнего дела уже поздним вечером, я присыпал собственные заметки песком. Барак и Скелли давно разошлись по домам, и я направился по Канцлер-лейн в сторону своего дома.

Стоял идиллический летний вечер. Два дня назад отмечали Иванов день, однако в этом году традиционные костры и прочие празднества по велению короля существенно сократили. В городе ввели комендантский час: ночью по улицам ходили дополнительные патрули, чтобы французские шпионы не могли устраивать поджогов.

Оказавшись возле дома, я подумал о том, что, переступая порог своего жилища, больше не испытываю радостного подъема, который ощущал при жизни Джоан, — его скорее сменило некое раздражение. Я отпер дверь. Дочь моего эконома, Джозефина Колдайрон, стояла в прихожей на тростниковой подстилке, скрестив на груди руки, с отсутствующим и слегка озабоченным выражением на круглом лице.

— Добрый вечер, Джозефина, — поздоровался я.

Она присела, наклонив голову. Прядка невымытых светлых волос выбивалась на лоб девушки из-под белого платка. Отодвинув ее в сторону, Джозефина полным беспокойства голосом произнесла:

— Простите, сэр.

Я знал, что служанка боится меня, поэтому продолжил самым мягким тоном, каким только мог:

— Как обстоит дело с ужином?

Мисс Колдайрон посмотрела на меня виноватыми глазами:

— Я еще даже не начинала готовить, сэр. Мне нужно, чтобы мальчишки помогли почистить овощи.

— А где Саймон и Тимоти?

Джозефина заметно встревожилась:

— Э... они с отцом, сэр. Сейчас схожу за ними, и начнем.

И она заторопилась на кухню быстрыми и мелкими шажками, словно бы перепуганная мышь. Я же отправился в гостиную.

В кресле, лицом к окну, сидел мой старый друг и частый гость Гай Малтон. Повернувшись на звук моих шагов, он изобра-

зил на лице слабую улыбку. В качестве врача Гай обладал кое-каким общественным положением, что, однако, не помешало банде юных прохвостов как-то ночью, два месяца назад, в поисках французских шпионов вломиться в его дом возле Олд-Бардж, разорвать в клочки медицинские заметки, которые он делал в течение всей своей жизни, и разгромить его кабинет. К счастью, самого Малтона не было дома, иначе его, наверно, убили бы. Он был выходцем из Испании, да к тому же мавром; ясно, что его, темнокожего и говорившего с непривычным акцентом, мигом сочли бы иностранным агентом. Я забрал друга жить к себе, но с тех пор он погрузился в глубокую меланхолию, что, признаться, сильно меня тревожило.

Я опустил сумку на пол:

— Как дела, Гай?

Врач поднял руку в приветствии:

— Просидел здесь весь день. Как странно, я всегда считал, что, если однажды останусь без работы, время будет едва влачиться, однако теперь оно пролетает совершенно незаметно.

— Барак говорит, что Тамазин в такую жару неважно себя чувствует, — сказал я и с удовольствием заметил, что на лице медика появился профессиональный интерес.

— Да, мы уже договорились, что я посмотрю ее завтра. Не сомневаюсь, что у Тамми все в порядке, но это ободрит обоих супругов. И в первую очередь Джека, который переживает значительно сильнее жены. — Гай помедлил. — Я сказал, что приму их здесь. Надеюсь, что это не слишком бесцеремонно с моей стороны? Мало того что я тут поселился...

— Конечно же нет. И как тебе прекрасно известно, я всегда рад видеть тебя. Живи здесь столько, сколько хочешь.

— Спасибо тебе, Мэтью. Боюсь, что, если я вернусь к себе, опять произойдет то же самое. Отношение к иноземцам портится день ото дня. Посмотри-ка сюда! — Доктор Малтон указал на мой сад за ромбиками окна.

Подойдя к окну, я выглянул наружу. На дорожке, уперев руки в тощие бока, со свирепой улыбкой на бледном, заросшем серой щетиной лице стоял мой экономайстер Уильям Колдайрон. А двое слуг-мальчишек — высокий четырнадцатилетний Саймон и Тимоти, коротышка двенадцати лет от роду, — маршировали перед ним взад и вперед с метлами на плечах. Колдайрон строго сле-

дил за обоими единственным глазом; другой прикрывала широкая черная повязка.

— Направо! — скомандовал он, и мальчишки неуклюже повернулись.

Я услышал голос Джозефины, доносившийся от дверей кухни. Ее отец резко повернулся к окну кабинета. Открыв его, я недовольно окрикнул его:

— Уильям!

Колдайрон повернулся к мальчишкам.

— А ну-ка рысью в дом и займитесь ужином для хозяина! — крикнул он. — Навязались тут на мою голову, только время с вами зря теряю!

Саймон и Тимоти ответили ему яростными взглядами.

Я повернулся к Гаю:

— Кровь Господня, ну и тип!

Мой друг устало качнул головой. Мгновение спустя в дверях показался сам Колдайрон. Поклонившись, он встал навзбляжку. Как всегда, мне было трудно смотреть ему в глаза. Длинный и глубокий шрам тянулся через все лицо управляющего, от залысин на лбу до уголка рта. Когда я нанимал этого человека, он сказал, что шрам остался от удара шотландским мечом, полученного больше тридцати лет назад в битве при Флоддене. Как всегда при общении с увечными, я ощутил прилив сочувствия, повлиявший на мое решение нанять его; не последнюю роль, впрочем, сыграло и то, что после двух учрежденных королем внушительных налогов мне приходилось экономить, а Колдайрон удовлетворялся скромным жалованьем. Но, по правде сказать, Уильям не слишком понравился мне даже тогда.

— Чем это вы занимались там с мальчишками? — спросил я. — Джозефина говорит, что готовить ужин еще даже не начинали.

— Простите меня, сэр, — непринужденно ответил эконом. — Но Саймон и Тимоти просили меня объяснить, каково это — быть солдатом. Благослови их Господь, этих парнишек, они хотят делать все возможное, чтобы защитить свою страну от чужеземного вторжения! Они буквально пристали ко мне: научи да научи их маршировать. — Колдайрон развел руками. — Ну никак не желали оставить меня в покое. Им так и хочется узнать,

как я сражался с шотландцами и как я зарубил короля Якова Четвертого.

— И они намереваются защищать отечество метлами?

— Возможно, сэр, настает такое время, когда даже зеленым юнцам придется брать в руки клевцы и алебарды. Говорят, что шотландцы снова взялись за свои прежние фокусы и готовы выступить против Англии, тем более что французы угрожают нам с юга. Охотно верю в это, уж я-то знаю их как облупленных! И если вражеские шпионы подожгут Лондон... — Домоправитель бросил косой, быстрый, едва заметный взгляд в сторону Гая, который тем не менее все понял и отвернулся.

— Я не хочу, чтобы ты занимался обучением Тимоти и Саймона, — резким тоном произнес я, — сколь бы великими ни были твои познания в военном искусстве. Твое дело сейчас — управлять моим домом.

Колдайрон и бровью не повел:

— Конечно же, сэр. Я больше не позволю этим мальчишкам так эксплуатировать меня.

Снова отвесив глубокий поклон, он вышел из комнаты. Я посмотрел на закрывшуюся дверь.

— Колдайрон заставил мальчишек выйти на лужайку и принял их муштровать, — прокомментировал Гай. — Я видел все. Уж не знаю, как Саймон, но Тимоти, во всяком случае, этого не хотел.

— Этот человек — лжец и мошенник.

С усталой улыбкой мой гость приподнял бровь:

— Надеюсь, ты не думаешь, что это именно он убил шотландского короля?

Я в ответ лишь фыркнул:

— Каждый побывавший при Флоддене английский солдат утверждает, что именно он сделал это. Пожалуй, стоит отказать Колдайрону от места. Уволю-ка его.

— И поделом мерзавцу, — проговорил Малтон с решимостью, абсолютно не характерной для этого мягчайшего из людей.

Я вздохнул:

— Мне жаль его дочь. Колдайрон тиранит ее точно так же, как и мальчишек. — И, погладив рукой подбородок, я добавил: — Кстати, я собираюсь завтра посетить Бедлам, чтобы повидать Эллен.